

УДК 821.133.1

Кулагина О.А.

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ИНОЙ КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII В.

Аннотация. В статье рассматриваются основные языковые средства изображения иных культур во французской литературе XVIII в. Подробно анализируются тексты романа «Персидские письма» Ш. де Монтескье и трагедии Вольтера «Заира».

Ключевые слова: иная культура, французская литература, языковая репрезентация, де Монтескье, Вольтер.

XVIII век был отмечен эволюцией ценностей европейских социумов вообще и французского в частности, что отразилось в литературе данной эпохи. Если ранее иные культуры изображались с позиции носителей французской культуры, то в XVIII веке происходит смена точки зрения, и теперь представители иных культур (в частности восточной) репрезентируются сквозь призму их взгляда на французское общество. Такая смена ролей в межкультурных отношениях объясняется стремлением французских авторов, встав на позицию другого, продемонстрировать недостатки своей родной культуры, одним из которых было отсутствие толерантности. Примерами подобной репрезентации могут служить тексты романа «Персидские письма» («Lettres persanes», 1721) Ш. де Монтескье и трагедии Вольтера «Заира» («Zaïre», 1732). «Персидские письма» представляют собой сатиру на французское общество, демонстрирующую многочисленные недостатки последнего. Подчеркнём, что, хотя автор и герой совпадают в этом романе, языковые средства, используемые при портретировании, являются признаками идеологической позиции автора [1: с. 26], который становится на точку зрения своего героя. Последний принадлежит к восточной (персидской) культуре и наблюдает за представителями французского социума, находясь на их территории. Анализ текста показывает, что прибывающий в Европу представитель восточной культуры оказывается в состоянии крайнего удивления, близкого к шоку:

C'est un grand spectacle pour un Mahométan de voir pour la première fois une ville chrétienne [2: p. 55].

Увидеть впервые христианский город – это настоящее зрелище для любого магометанина. [3].

Метафорический эпитет *un grand spectacle* усиливает идею потрясения, испытываемого иностранцем, оказавшемся в чужом городе. Антитеза *un Mahoméтан – une ville chrétienne* (магометанин – христианский город) подчёркивает этнокультурный диссонанс, возникающий при попадании в незнакомое место, населённое иноверцами. Для Узбека, главного героя «Персидских писем», ориентиром в описании Европы и, в частности, Франции, является родная культура:

1) *Paris est aussi grand qu'Ispahan. Les maisons y sont si hautes qu'on jugerait qu'elles ne sont habitées que par des astrologues* [2: p. 55].

Париж так же огромен, как Исфахан. Дома здесь так высоки, что кажется, будто там живут одни астрологи.

2) *Nous sommes à présent à Paris, cette superbe rivale de la ville du Soleil* [2: p. 60].

Сейчас мы находимся в Париже, этом блистательном сопернике города Солнца.

Приведённые примеры показывают, что герой уподобляет Париж персидскому Исфахану посредством сравнения *aussi grand qu'Ispahan – так же огромен, как Исфахан*, а также переноса родной реалии (башни астролога) на реалии чужой культуры. Метафорический эпитет с мелиоративной окраской *cette superbe rivale – этот блистательный соперник* позволяет предположить, что французская столица, на взгляд восточного человека, способна выдержать сравнение с персидским городом, но перифрастическая конструкция с метафорическим значением *la ville du Soleil – город Солнца*, обозначающая Исфахан, показывает, что другая культура воспринимается как превосходящая по красоте и величии. Средства передачи этнокультурного диссонанса в данном тексте репрезентируют как инаковость, так и чуждость французской культуры с точки зрения представителя восточной культуры.

Большое внимание в тексте уделяется описанию нравов французского общества. Приведём несколько примеров подобного описания:

1) *Que vous êtes heureuse, Roxane, d'être dans le doux pays de Perse, et non pas dans ces climats empoisonnés où l'on ne connaît ni la pudeur ni la vertu!* [2: p. 58].

Какая вы счастливица, Роксана, что живёте в прекрасной Персии, а не в этом порочном краю, где неведомы стыд и добродетель....

2) *Au lieu de cette noble simplicité et de cette aimable pudeur qui règne parmi vous, on voit une impudence brutale, à laquelle il est impossible de s'accoutumer* [2: p. 59].

Вместо этой благородной простоты и этой восхитительной стыдливости, что царят в вашем окружении, здесь я сталкиваюсь с разнузданной наглостью, к которой невозможно привыкнуть.

3) *...un pays <...> où l'infidélité, la trahison, le rapt, la perfidie et l'injustice conduisent à la considération...* [2: p. 89].

...страна <...>, где ко всеобщему уважению ведут измена, предательство, похищение людей, коварство и несправедливость...

В приведённых примерах репрезентация французской культуры построена на контрасте с изображением родной культуры героя. Антитеза *le doux pays de Perse – ces climats empoisonnés* (прекрасная Персия – этот порочный край) основана на генерализованном противопоставлении Персии и Франции, где последняя не

названа прямо, а обозначена метонимически, что указывает на преимущественно негативное восприятие. Во втором примере противопоставлены непосредственно нравы и поведение представителей персидской и французской культур. Первая репрезентируется посредством метафорических эпитетов с выраженной мелиоративной коннотацией *cette noble simplicité* (эта благородная простота) и *cette aimable pudeur* (эта восхитительная стыдливость), в то время как вторая представлена через отрицательно окрашенный эпитет *une impudence brutale* (разнузданная наглость). Лексема *brutal* (разнузданный, грубый, бесцеремонный) характеризует личность, которой свойственна грубость, близкая к животной [4]. Если в текстах более ранних периодов животным уподоблялись представители иных, нежели французская, культур, то в XVIII в. наблюдается обратное явление: представители восточной культуры видят грубое животное начало в поведении членов французского социума. В третьем примере мы также наблюдаем антитезу, последний элемент которой (*la considération* – уважение) является прямым следствием совокупности предыдущих элементов. Перечисление *l'infidélité, la trahison, le rapt, la perfidie et l'injustice* (измена, предательство, похищение людей, коварство и несправедливость) включает в себя лексемы, обладающие негативной коннотацией; тем не менее, действия и качества, выраженные данными лексемами, имеют как следствие феномен, обозначенный положительно окрашенной вокабулой. Лексема *considération* (уважение) указывает на придание значимости чему-либо или кому-либо, уважение и почтение по отношению к кому-либо [4]. Данная антитеза является причиной этнокультурного диссонанса, испытываемого главным героем.

Отдельно отметим репрезентацию европейской (в частности, французской) духовной и светской власти. Король Франции представлен в тексте «Персидских писем» следующим образом:

...ce roi est un grand magicien: il exerce son empire sur l'esprit même de ses sujets; il les fait penser comme il veut [2: p. 56].

...этот король – великий кудесник: он властвует даже над умами своих подданных, заставляя их думать так, как ему угодно.

Лексема *magicien* (кудесник) указывает на человека, обладающего сверхъестественными способностями; однако, одним из зафиксированных на момент написания «Персидских писем» значений данной лексемы было «колдун; человек, связанный с дьяволом». Метафорический эпитет *grand* (великий), обладающий гиперболизирующим эффектом, усиливает значение вокабулы. В очередной раз мы можем говорить о перестановке ролей: если в текстах предыдущих периодов дьяволу уподоблялись преимущественно представители иных культур, то в XVIII в. данное сравнение применяется уже представителями восточной культуры по отношению к европейцам.

Репрезентация Папы Римского сходна с описанием короля:

...il y a un autre magicien, plus fort que lui, qui n'est pas moins maître de son esprit qu'il l'est lui-même de celui des autres. Ce magicien s'appelle le Pape. Tantôt il lui fait croire que trois ne sont qu'un, que le pain qu'on mange n'est pas le pain, ou que le vin qu'on boit n'est pas du vin, et mille autres choses de cette espèce [2: p. 56].
...есть ещё и другой кудесник, более могущественный, который властвует не только над его [короля] умом, но и над умами всех прочих. Этот кудесник зовётся Папой. Он внушает королю, что три равны одному, что хлеб на самом деле не хлеб, вино на самом деле не вино, и ещё множество подобных вещей.

Для изображения Папы используется упомянутая выше лексема *magicien* (кудесник), что создаёт эффект негативной оценки, поскольку данная номинация применяется по отношению к духовному лицу. Аллюзия на основы христианской веры (триединство Бога, хлеб как плоть Христова и вино как кровь Христова) в сочетании с каузативной конструкцией *faire croire* (внушать, букв. заставлять верить), обозначающей несамостоятельность действия, передаёт непонимание восточным человеком католицизма и на недоверчивое отношение к чужой религии.

Репрезентацию Папы дополняет следующая характеристика:

Le Pape est le chef des chrétiens. C'est une vieille idole qu'on encense par habitude [2: p. 63].

Папа – глава всех христиан. Это такой древний идол, который до сих пор умащают по привычке.

Уподобление Папы идолу, выраженное эпитетом *une vieille idole* – древний идол, указывает на предполагаемый языческий характер христианских обычаев. Если ранее идолопоклонниками называли всех, кто не принадлежал католической вере, то в тексте «Персидских писем» в идолопоклонстве уличаются сами католики. Эпитет, выраженный существительным с предлогом *par habitude* (по привычке), демонстрирует отсутствие во французском обществе подлинной веры и указывает на механическое следование существующим традициям, за которыми уже давно не стоит никакого дополнительного смысла.

Завершая анализ романа «Персидские письма», отметим генерализованную номинацию всей западной культуры: метафорический эпитет с негативной коннотацией *le noir Occident* (чёрный Запад) [2: p. 89]. Прилагательное *noir* (чёрный) характеризует нечто, лишённое цвета либо освещения [4]. Мы считаем возможным предположить, что в данном контексте релевантным является второй случай, т.е. отсутствие освещения, коим, с точки зрения главного героя, должен быть свет истинной веры.

В трагедии Вольтера «Заира» отражена философия автора, который осуждал фанатизм католической церкви и выступал за толерантность по отношению к иным религиозным убеждениям и культурам [5: p. 60]. В тексте трагедии представлены как христиане с позиции мусульман, так и наоборот. Репрезентация осуществляется как с маскулинной, так и с фемининной позиции, что является редкостью для текстов XVIII в.; женская точка зрения практически отсутствует в текстах предыдущих периодов, где основными действующими лицами были мужчины. Происходит смена идеологической оценки: доминирующая точка зрения отсутствует, каждый персонаж обладает своей позицией, имеющей определённую значимость; в данном случае представляется возможным говорить о полифонии [1: с. 21]. Выбор подобной позиции представляется неслучайным: мы считаем возможным предположить, что в авторский замысел входила демонстрация равенства двух культур вне зависимости от религиозной принадлежности. Подтверждение данной идеи мы находим также в выборе места действия: действие пьесы происходит во время Крестовых походов в Иерусалиме, который и христиане, и мусульмане считали своей территорией.

Проведя анализ текста трагедии, мы считаем возможным рассмотреть отдельно изображение представителя иной культуры в фемининном и в маскулинном дискурсах. В речи женских персонажей, принадлежащих к мусульманской вере, французы (в частности, рыцарь Нерестан) репрезентируются посредством следующих эпитетов, выражающих моральные качества персонажа: *ce brave Français* (этот храбрый француз) [6: p. 3], *ce généreux Français* (этот великодушный француз) [6: p. 4], *digne Français* (достойный француз) [6: p. 21]. Все вышеперечисленные эпитеты обладают мелиоративной коннотацией, а

этноним *Français* является нейтральным и не несёт в себе никакой дополнительной окраски, в том числе указывающей на религиозную принадлежность. В то же время, в тексте присутствует такая номинация Нерестана, как *un étranger* (чужестранец), *un captif inconnu* (неизвестный пленник) [6: p. 4]. Лексема *étranger* в данном контексте является семантически близкой эпитету *inconnu* (неизвестный), передавая идею чуждости, но в этом случае нет специальных указаний на чуждость по религиозному признаку. Из моральных качеств Нерестана отдельно отмечается его отвага:

Combien nous admirions son audace hautaine! [6: p. 4].

Как восхищались мы его возвышенной доблестью!

Отметим, что, в отличие от современного периода, эпитет *hautaine* (зд. *возвышенная*) не несёт в данном случае пейоративной коннотации, поскольку последняя фиксируется только в XIX в. Напротив, данная лексема обозначает благородство и величие души [4]. Таким образом, портрет христианского рыцаря в фемининном дискурсе обладает преимущественно положительной окраской.

В речи мужских персонажей религиозный фактор является одним из релевантных, но главным образом в репликах мусульман:

1) *Chrétien, je suis content de ton noble courage...* [6: p. 11];

Христианин, я доволен твоей благородной отвагой...

2) *Corasmin, que veut donc cet esclave infidèle?* [6: p. 13];

Корасмин, что нужно этому неверному рабу?

3) *Madame, le soudan m'ordonne de vous dire*

Qu'à l'instant de ces lieux il faut vous retirer,

Et de ces vils chrétiens surtout vous séparer [6: p. 35];

Госпожа, султан приказал передать вам,

Что вам не медля нужно удалиться отсюда

И расстаться с этими презренными христианами.

4) *Va, ce chrétien attend, et tu peux l'introduire...* [6: p. 35].

Ну что же, раз этот христианин ждёт, можешь его впустить...

Лексема *chrétien* выполняет демаркационную функцию, передавая чёткое отделение «своих» от «чужих». Метафорический эпитет с положительной коннотацией *ton noble courage* (твоя благородная отвага) подчёркивает признание достойных моральных качеств христианского рыцаря, в особенности его доблести, однако принадлежность к чужой вере является более весомым фактором. Употребление эпитета с негативной окраской *ces vils chrétiens* (эти презренные христиане) указывает, напротив, на низкие моральные качества, связанные непосредственно с религиозной принадлежностью. Эпитет *cet esclave infidèle* (этот неверный раб) подчёркивает пренебрежительное отношение мусульманского правителя к христианам. Если в более ранних текстах эпитет *infidèle* (неверный) применялся французами по отношению к представителям других религий, то в XVIII в., как было отмечено выше, точка зрения меняется, и в данном тексте «неверными» изображены уже христиане, «чужие» по отношению к мусульманскому населению

Иерусалима. Европейцы выступают в роли захватчиков, вторгнувшихся на не принадлежащую им, по мнению мусульман, территорию и поэтому заслуживающих негативного отношения.

В репликах христианских рыцарей различие по религиозному признаку представляется не менее значимым. Наиболее распространённым средством номинации мусульман является лексема *barbare*:

1) *Noradin m'éleva près de cette Zaire, / Qui depuis, égarée en ce funeste lieu,*

Pour un maître barbare abandonna son Dieu [6: p. 19];

*Норадин воспитал меня вместе с этой Заирой, / Которая затем, затерявшись в этом зловещем месте,
Отреклась от своего Бога ради повелителя-варвара.*

2) *Barbare, il est trop vrai: viens épuiser mon flanc*

Du reste infortuné de cet auguste sang [6: p. 78].

*Варвар, ты абсолютно прав: так избавь же моё тело
От злосчастных остатков этой благородной крови.*

Употребление данной лексемы является данью истории, поскольку в эпоху Крестовых походов она применялась именно по отношению к мусульманам, передавая идею чрезмерной жестокости и нечестивости [7: p. 776]. Эпитет *ce funeste lieu* (*это зловещее место*), характеризующий дворец султана, обладает значением «приносящий несчастье» [4], что свидетельствует о выраженной негативной коннотации.

При обращении христианских и мусульманских персонажей друг к другу используется уже рассмотренная выше лексема *ennemi*:

1) *Respectable ennemi qu'estiment les chrétiens,*

Je reviens dégager mes serments et les tiens... [6: p. 11];

Почтенный враг, уважаемый христианами,

Я намерен освободить и тебя, и себя от данных клятв...

2) *Méprisable ennemi, qui fais encor paraître*

L'audace d'un héros avec l'âme d'un traître... [6: p. 77].

Презренный враг, обладающий

Отвагой героя и душой предателя...

Первая реплика принадлежит Нерестану и обращена к султану Оросману; вторая произнесена Оросманом и адресована Нерестану. Мелиоративный эпитет *respectable* (*почтенный*) в сочетании с негативно окрашенной лексемой *ennemi* (*враг*) создают эффект оксюморона и позволяют предположить некоторую клишированность подобного обращения. В свою очередь, эпитет с пейоративной коннотацией *méprisable ennemi* (*презренный враг*) является плеоназмом, так как лексема *ennemi* подразумевает наличие неприязненного отношения к характеризуемой подобным образом личности [4]. Антитеза *un héros – un traître* (*герой – предатель*) подтверждает наше предположение относительно признания храбрости и доблести христианских рыцарей, сочетающегося с резко негативным восприятием принадлежности последних к иной религии.

Проведённый анализ позволяет нам прийти к следующим выводам. Если в более ранние периоды французской истории в роли «чужого» и «неверного» традиционно выступает любой народ, не исповедующий католицизм и который необходимо обратить в истинную веру, то в текстах XVIII в. заметна смена точки зрения: теперь члены французского католического социума репрезентируются с позиции представителей других культур (в частности, мусульманской) и рассматриваются как «чужие» по отношению к восточной культуре. Портретирование французов глазами мусульман содержит основные элементы репрезентации, применявшиеся французами по отношению к прочим этносам в предыдущие периоды истории французского языка, как то: номинации *infidèle* (*неверный*), *ennemi* (*враг*), уподобление европейцев и, в частности, Папы Римского идолопоклонникам. Думается, что таким образом авторы предпринимали попытки изобличения фанатизма, свойственного официальной католической церкви того периода, и продвижения идеи толерантности по отношению к иным народам и культурам. Основными языковыми средствами репрезентации другой культуры являются антитезы, метафорические эпитеты с мелиоративной или пейоративной окраской, оксюмороны, плеоназмы, обращения, обладающие демаркационной функцией.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Успенский Б.А. Семиотика искусства. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. – 360 с.
- [2] *Montesquieu Ch. de. Lettres persanes.* – Paris: Garnier–Flammarion, 1964. – 253 p.
- [3] Здесь и далее перевод наш. – О.К.
- [4] Le Trésor de la Langue Française informatisé / sous la direction de J.-M. Pierrel. – Nancy-Université. – URL: atilf.atilf.fr/tlf.htm, свободный.
- [5] *Kerautret M. La littérature française du XVIIIe siècle.* – Paris: Presses Universitaires de France, 1997. – 128 p.
- [6] *Voltaire F.M.A. de. Zaïre.* – Beyrouth: Les Lettres Françaises, 1943. – 87 p.
- [7] Dictionnaire culturel en langue française: En 4 t. T. 1. / Sous la direction d'A. Rey. – Paris: Dictionnaires Le Robert, 2005. – 2355 p.

© Кулагина О.А., 2014.

Статья поступила в редакцию 28 июля 2014 г.

Кулагина Ольга Анатольевна,

кандидат филологических наук,

старший преподаватель кафедры лексики и фонетики французского языка

Московского педагогического государственного университета (Москва),

e-mail: lynxik@yandex.ru

UDC 821.133.1

Kulagina O.

**LINGUISTIC REPRESENTATION OF OTHER CULTURES
IN FRENCH LITERATURE OF THE XVIIIth CENTURY**

Abstract. The paper deals with linguistic representation of other cultures in French literature of the XVIII century. Detailed analysis of the “Lettres persanes” by Charles-Louis de Montesquieu is provided in comparison with the Voltair’s Zaire”

Key words: other culture, French literature, linguistic representation, de Montesquieu, Voltaire.

Kulagina Olga Anatolievna,

Ph.D. in Philology, senior teacher of Moscow State Pedagogical University,
French Lexics and Phonetics Department (Moscow),
e-mail: lynxik@yandex.ru